

Николай Николаевич Лендер

Биография

Николай Николаевич Лендер (настоящая фамилия Рейхельт) (5 мая 1864 г., Санкт-Петербург — не раньше 1924 г.) — журналист, беллетрист, этнограф, путешественник. Сотрудник газеты «Новое время».

В 1883 г. окончил Второй кадетский корпус, публиковаться начал с 1881 г., с 1887 г. постоянный сотрудник газеты «Новое время». Совершал поездки по России, изучал этнографию в Поволжье, Восточной России, на Урале, в Крыму, Бессарабии и Кавказе.

В 1889 г. Лендер опубликовал свою первую книгу «На Волге, очерки картины, путевые заметки», а через год им было выпущено полное издание. Затем он подробно изучал быт и промышленность Новороссии, Бессарабии, Крыма и Кавказа. В 1890-х гг. вышли две его книги «По Черному морю» и «Черное море и Кавказ». На протяжении 20 лет Лендер редактировал ежегодник «Путеводитель по Черному и Средиземным морям». Так же Лендер опубликовал целый ряд статей, повестей, рассказов и очерков по вопросам морского быта и мореплаванию в «Новом времени», «Историческом вестнике», «Ниве», «Европейской жизни», «Природа и люди». Повести и рассказы были отдельно изданы в 1902 г. А. С. Сувориным под названием «Рассказы Путника».

С 1908 г. редактор иллюстрированного журнала «Европейская жизнь» и «Всеобщего иллюстрированного путеводителя». Последними публикациями Лендера были, рассказ о выгодах потребительской кооперации «Кооперация подвела. Исповедь дяди Софрона» и драма «На перевале» – в которой описывались революционные события на угольной шахте. Умер Н. Н. Лендер около 1924 г.

Лендер Н. В гостях у колонистов // 1) По родной земле: книга для чтения по географии России в семье и школе / Сост. М. Елисеев. 6-е изд. М., 1915. С. 192–201; 2) Европейская Россия. Иллюстрированный географический сборник. М., : Т-во И. Н. Кушнерев и К. 1905 г. С 362-369.

«Красивый трехэтажный «самолетный» пароход «Пушкин», тяжело пыхтя и вздрагивая, привалил к сарептской пристани на Волге... Столпившиеся на галереях парохода пассажиры стали с любопытством рассматривать берег, наводить бинокли то в ту, то в другую сторону и наскоро расспрашивать о Сарепте друг друга. Но замечательная вещь: никто из волжских пассажиров не знает Сарепты и редкий из них, хотя бы поверхностно, знаком вообще с бытом немецких колоний на Волге.

У сарептской пристани самолетский пароход стоит пять минут. Здесь пассажиров не разживешься: замкнутая жизнь колонии не дает ни деловых пассажиров, ни туристов. «Пушкин» дал свисток, по которому сбежались на пароход все любители горчицы и сарептского бальзама, продаваемого на берегу в двух лавчонках. Опять тяжелое пыхтение и легкое вздрагивание парохода, и «Пушкин» пошел далее на Астрахань. Я оказался единственным пассажиром, и с минуту вызывал слегка недоумевающие взгляды моих отъезжающих спутников, словно говоривших: «не по ошибке ли он остался на пристани?»... Пароход наконец скрылся из виду, и мне предстояло выбраться на берег с маленькой, невзрачной пристани... Я поглядел направо и налево. С одной стороны спускался к реке страшно крутой, хотя не особенно высокий глинистый обрыв, с другой – обрыв несколько меньший, увенчанный цветущим лугом и жиденькой рощицей. День был жаркий, знойный, слегка удушливый. Солнце так и палило...

Взяв свой небольшой чемоданчик, я сошел с пристани и направился в гору на берег. Кругом было пусто и только в тени деревьев одиноко стояла старомодная линейка, или «гитара», как прежде называли подобные экипажи с сиденьями по обе стороны, запряженная парой лошадей - коренником и пристяжной. Обе лошади нетерпеливо помахивали гривой и хвостами,

отбиваясь от мух и оводов. Около линейки суетился какой-то благообразный старик в длинном сюртуке, в поношенных серых брюках и в картузе. При моем приближении он обернулся и вопросительно взглянул на меня:

– Fahren sie nach Sarepta, mein Herr? (Вы хотите ехать в Сарепту?) – полюбопытствовал он.

Я отвечал утвердительно, осведомился у него, как мне туда добраться и далеко ли это от пристани.

– Sieben Werst, mein Herr, (семь верст), – продолжал он, – Ich kann Sie dorthin fahren (если хотите, я могу довезти вас).

Я хотел было спросить насчет цены, но незнакомец предупредительно сказал мне:

– Das wird nur 50 Kop. kosten (Это будет стоить 50 копеек).

«И это за семь верст» – подумал я, удивленный подобной скромностью после дороговизны, царящей во всех волжских городах, где с проезжающего дерут втридорога. Я уселся на линейку, старик поместился на козлах, и без дальнейших разговоров мы двинулись в путь, сначала среди живописных береговых мест, затем мимо сплошной зеленой стены невысоких холмиков, постепенно спускающихся к маленькой, сильно пересыхающей летом речке Сарпе, обнажившейся свои песчаные подводные части... Потом миновали какую-то пашню с одиноко работавшими на ней пестро одетыми калмыками и верблюдом, проехали между двумя стенами обрывов и вступили в область бесконечной, однообразной, выжженной солнцем степи, идущей на значительной высоте над уровнем Волги и заросшей редкой травой... Целые облака сухой песчаной пыли садились на меня и на моего возницу.... Обоих нас нещадно палило солнцем.

– Где у вас можно остановиться? – спросил я старика по-немецки.

Он обернулся ко мне с козел и сверх всякого ожидания заговорил по-русски.

– Можете остановиться в гостинице, – сказал он. – У нас есть маленькая гостиница... Долго ли вы останетесь в Сарепте?

Я сказал, что предполагаю пробыть недели две.

– В таком случае вам это обойдется немного дороже, etwas theuer... Я бы советовал вам нанять лучше на две недели помещение у кого-нибудь из наших бюргеров. Я завезу вас в некоторые дома. Там, вероятно, уступят помещение...

Прошло еще немного времени. Длинная дорога по степи, видимо оканчивалась, так как вдаль зазеленели уже на солнце безлесные, словно бархатные, волжские горы (у Сарепты волжские горы отходят в сторону от реки и как бы огибают эту колонию, утопающую в тени тополей и виноградников). Еще четверть часа - и, круто повернув вправо, мы въехали в колонию... Там и сям виднелись маленькие, одноэтажные в несколько окон, беленькие домики, робко прятавшиеся за высокими деревьями.

«Как здесь мило и уютно», – подумал я, внутренне поблагодарив себя за решимость пробраться в этот таинственный немецкий уголок, никем незримый никому неизвестный...

На улицах было тихо и безлюдно... Навстречу нам попались лишь двое калмыцких ребятишек в их характерных длинных халатах, представляющих странную смесь цветов синего с желтым. Они недоумевающе посмотрели на меня и прошли мимо. Далее я увидел татарина в повозке, запряженной большим верблюдом, гордо и надменно посматривающим кругом и слегка испугавшим наших лошадей (эти животные до сих пор не могут привыкнуть друг к другу; лошадь, завидя верблюда, часто шарахнется в сторону). Да на повороте в одну из улиц столкнулся с оригинальной повозкой калмыцкого священника...

Мы въехали в одну из улиц, близких к центральной части города. Старичок остановил лошадей у крылечка возле одного из беленьких домиков с окнами, сплошь покрытыми металлическими сетками для защиты от насекомых. Сказав, чтобы я не беспокоился, он пошел переговорить о помещении для приезжего «русского». Затем он скоро вернулся обратно и предложил мне самому переговорить с хозяином дома...

Я вошел на деревянное крыльцо и, миновав темные сени, вступил в уютную, чисто убранную комнату с низким потолком.... Щелкнул замок, и отворилась противоположная дверь комнаты. Навстречу мне вышел человек маленького роста с медленными, словно размеренными, движениями и походкой. Лицо его было обрамлено бородой с проседью; в глазах, довольно еще живых и выразительных, можно было прочесть степень доверия и уважения, которою он дарит гостя, прибывшего под его кров и рассчитывающего на гостеприимство.

– Я охотно уступлю вам две комнаты в моем доме, – сказал он мне по-немецки, – если вы, мой господин (mein Herr) не будете слишком взыскательны и строги.

Я поблагодарил его, приказал вынести вещи из экипажа и предложил ему сумму вознаграждения за две недели...

– О, mein Herr, это очень много, – кротко ответил маленький человек, делая смущенный вид при разговоре о деньгах, и назвал со своей стороны гораздо меньшую сумму.

Я стал водворяться в нанятых мною двух комнатах. Мне принесли обед из гостиницы, и скоро вокруг меня, как возле родного, весело засуетилась вся семья мирного бюргера. Мне устраивали разные удобства, сбивали перины и матрацы для кровати, стлали новые скатерти на столах, все прибирали и прихорашивали. Я как-то сразу почувствовал себя в этом незнакомом доме своим человеком: так просто говорили со мной, так мило и с такой забавной серьезностью расспрашивали о моих привычках, так хорошо шутили и смеялись, что я не мог нарадоваться на этих добрых людей, торговавших меня своею искренностью и сердечностью... Особенно нравились мне бойкие вопросы двенадцатилетней девочки, дочки бюргера, умненькой и сметливой и вдобавок настоящей красавицы. Другая дочь, маленькая, голубоглазая, точно птичка порхала из комнаты в комнату, резвилась, а разговаривая с гостем, очень забавно меняла тон и, смотря на меня своими голубыми глазками, принимала вид серьезной и внимательной.

Эта девочка, как я узнал потом, была общая любимица и баловница, а старшая, оказалось, исполняла серьезные обязанности хозяйки дома, так как сестра вдовца-хозяина, маленькая сгорбленная старушка, не была в силах все делать сама.

Когда умолкла эта резвая и веселая суэта стариков и молодежи я остался один в комнатах, я с удовольствием продолжал прислушиваться к веселой возне и детским голосам, раздававшимся за стеной в комнате хозяина.

Наконец умолкла суэта. Я остался один и внимательно оглядел обе комнаты, носившие на себе следы патриархальной дедовской старины.

В первой комнате от входа, прислоненный к белой, как скатерть, стене, стоял старомодный диван, обитый какой-то материей с рисунками, от которой уцелели только остатки. По обеим сторонам стола помещались такие же кресла. И диван, и кресла были так необычайно низки, что садясь на них, приходилось сгибаться «в три погибели».

Далее, у стены помещался большой комод, у окна, такой же низкий, как кресла, столик, два стула, а в углу старинный шкаф, отворявшийся и запиравшийся с особенным звоном замка. Во второй комнате - та же старина: огромное фортепиано, такой формы, как теперь уже нигде не встречается.

При прикосновении к пожелтевшим от времени клавишам оно, расстроенное и обветшалое, брнчало и издавало такие жалобные, дрожащие и дребезжащие звуки, как будто молило о пощаде и трогательно вещало о том, что оно сослужило уже службу нескольким умершим поколениям. Далее – маленький, низенький столик, диван и кровать с мягкими взбитыми перинами. На стенах испорченные мухами виды Саксонской Швейцарии, тщательно сохраненное поясное изображение Лютера, несколько картин библейского содержания, портреты Государя Императора и Государыни Императрицы и висячая полочка с богослужебными книгами и молитвенниками в старых переплетах. Затем старинные часы, невзрачные и ворчливые.

Окна комнат выходили на улицу, по обеим сторонам которой росли дубы, клены и пирамидальные тополи, неподвижные и словно застывшие в тихом безветренном воздухе. Редко-редко приветливый, нежный их шелест врывается в комнату сквозь частую оконную сетку...

В комнатах был какой-то особенный и своеобразный, несколько затхлый запах жилья, старины и плесени, который, когда я отворил окна, стал исчезать, сменяясь волнами чистого воздуха.

Уже вечерело: солнце было близко к закату, но зной не спадал. Приближалась черная южная ночь, тихая, словно замирающая в своем величавом царственном покое.

Но вот в вечернем воздухе раздался нежный, мелодичный, медленный и тихий звон... Улицы оживились: там и сям двигались группы благочестивых гернгутеров*), направляющихся с молитвенниками в руках в свою лютеранскую церковь. За стенами моей комнаты также послышалось торопливое движение: там тоже собирались в церковь. Я взял шляпу и отправился вслед за другими.

Пройдя две улицы, я вышел к площади, обсаженной кругом тополями. Посреди площади был небольшой сквер, а напротив его – лютеранская церковь.

В церковные двери то и дело входили гернгутеры: в одну дверь женщины, в другую – мужчины. Я сел около сквера на скамейке и наблюдал за движением: все шли молча, сосредоточенно, не проронив ни одного слова. Это серьезное религиозное настроение и окружающая тишина производили какое-то особенное впечатление.

* Гернгутеры, населяющие Сарепту, составляют «евангелическое братство». Цель братства – осуществить на земле истинно-благочестивую жизнь Спасителя и Его апостолов. Гернгутеры поселились на Волге, при впадении р. Сарпы в 1770 году. Они быстро устроились, занялись ремеслами и торговлею. Сарепта вскоре сделалась умственным и промышленным центром всех приволжских колоний. Несмотря на многие невзгоды, бедствия и страшный пожар 1823 г., колонисты не отчаивались и не бросали излюбленного приволжского уголка. Множество немецких колоний расположено в других частях Поволжья, ниже города Вольска. «За Вольском немец пошел», говорит народ. Тут находятся колонии: Шафгаузен, Гларус, Базель, Цюрих, Золотурн, Цуг, Люцерн, Унтервальден, Сузенталь, Брокгауз, Гокельберг, Клейн, Обернонж.

Вот вошли последний мужчина и последняя женщина, и двери закрылись, а через две-три минуты я услышал звуки органа и стройное пение. Орган и пение сливались во что-то глубоко-трогательное. Звуки далеко-далеко разносились в вечернем теплом воздухе и словно таяли в вышине....

Когда окончилось богослужение и все семьи разошлись по домам, то спустя полчаса, при надвигавшейся ночной темноте, к моему удивлению, улицы стали оживать. На крылечках и приступочках появились семьи гернгутеров, рассевшиеся каждая у своего домика. Шла тихая беседа. Изредка одинокие фигуры переходили от одного крылечка к другому, и поговорив немного, снова возвращались на свое место. Подобные вечерние собрания, как я узнал потом, служат единственным местом светского общения гернгутеров (после духовного общения церкви), не признающих никаких других форм общения, ни клубов, ни собраний, ни скромных домашних вечеринок, ни светской музыки, ни каких бы, то ни было удовольствий и не допускающих к себе даже странствующих музыкантов. Эти правила до сих пор сохранились в прежней неумолимой строгости и ненарушимости....

Я тоже вышел на крылечко и сел поудобнее. Со мной скоро вступили в разговор, как со своим человеком. Собеседником моим оказался седой, но еще очень бодрый, живой старик, брат моего хозяина, на вид ему было лет пятьдесят, но на самом деле, было еще больше... Я вскользь сказал ему, что он прекрасно сохранился.

– У нас все такие, – отвечал он мне, улыбаясь. – Я еще что, – продолжал он, – у нас иные доживают такими бодрыми до восьмидесяти лет и больше. И это не редкость. Оно понятно. Тихая, правильная жизнь сохранит кого угодно...

На церковной колокольне мерно и отчетливо пробило десять часов... Улицы Сарепты быстро опустели: беседы прекратились, ставни заперты... Зазвенели певучие замки закрываемых дверей, и весь городок погрузился в

сон... Тихо и пустынно... слышен полет мухи, жужжание комара, бьющегося об оконную сетку... Резкие контуры света и теней легли на крыши и стены домов, на дорогу, на заснувшую травку и неподвижные высокие тополя... Млеет и нежится чудная южная ночь... С чистой глубокой синевы небес ясно, величаво смотрит луна, сияют и улыбаются мириады звезд... Что-то тайное, неразгаданное и чудесное кроется во всей этой картине, навевающей грёзы и мечтательность...

Весело всходило горячее южное солнце над просыпающейся колонией. Поднимаясь из-за зеленых волжских гор, еще блиставших бриллиантовой росой, оно посылало во все стороны свои первые ярко-золотистые лучи, которые то играли на окнах домов, то рассыпались сотнями блесков на верхушках тополей. Навстречу первым лучам слышались звуки отпираемых ставен, скрип ворот, стук калиток, зазвенели замки дверей, тихо – не слышно ни одного голоса. Колония пробуждалась. Вот мимо окон, тяжело шлепая по дороге. Проходит стадо, направляясь к горам. Из калитки противоположного дома вышла женщина с коромыслом и ведрами и, подойдя к бассейну с ключевой водой, принялась накачивать воду. Вот слышался знакомый, тихий и медленный звон с церковной колокольни... Бьет пять часов утра... За стеной у моего хозяина тихо – не слышно ни единого голоса. Мне думается, что он и его семья еще спят; но только я успеваю переступить порог своей комнаты, как в сенях слышу уже звонкие голоса детей, разговор старика и шепот старушки, его сестры... Они давно уже встали и, наслаждаясь утренней прохладой, сидят за чайным столом на крылечке, выходящем во двор к виноградниками хозяйственным постройкам. Меня встречают тепло и радушно и говорят, что ждали моего пробуждения, чтобы подать мне пыхтящий уже на кухне самовар. Я выхожу на маленький дворик... С одной стороны уже слышна кипучая работа. Шум идет из маленькой кузницы моего хозяина, которая, несмотря на ранний час утра, уже в полном ходу... Симпатичный старик, оставляя чайный стол и недопитый стакан, то и дело спешит к рабочим, чтобы отдать то или другое

приказание и вновь вернуться к столу. Он озабоченно серьезен, но суетится с толком и обдуманно. Не успеваю я вернуться в мою комнату, как там уже на аккуратно разостланной белой скатерти шипит самовар. Я наскоро пью чай и выхожу на улицу.... На улице тихо, безлюдно, полное отсутствие движения и суеты, но по доносящемуся отовсюду из дворов легкому шуму, можно судить, что работа в полном разгаре и трудовой день начался ...

Медленно подвигаясь вперед, подхожу к густой аллее тополей и к расстилающейся около нее площадке с большим красным каменным зданием в три этажа и с высокой фабричной трубой. Труба мерно попыхивает, ежеминутно выбрасывая воздух клочки черного дыма. Это работает горчичный завод Глича, местного капиталиста и царька Сарепты, снабжающего горчицей не только все Поволжье, но и Петербург (Петроград), и Москву, и всю Россию. Перед маленьким входом в мрачное здание завода копошатся несколько фигур, именно копошатся: не торопясь, не суетясь без толку, они медленно и сосредоточенно переносят в помещение завода какие-то мешки. На площади перед заводом в строгом порядке, в один ряд, стоит несколько разгружаемых телег. Это крестьяне привезли на завод горчичные семена, собранные на окрестных полях, где разводится горчица. Ни одного неосторожного движения, ни шума, ни криков, ни сутолоки. Все идет как заведенная машина. Миную аллею тополей, я иду дальше.

Пройдя несколько беленьких чистеньких домиков, я опять я поравнялся с каменным зданием с металлической трубой на крыше. И здесь труба медленно, мерно попыхивает и выбрасывает клочки дыма.

«Это еще что такое?» – думаю я, не ожидая встретить на пространстве нескольких шагов два завода. Оказывается, тоже завод, но уже мыловаренный; здесь выделяется сарептское мыло, пользующееся почетной известностью.

Беру влево и, достигнув окраины колонии, вижу сначала приведенную в движение водяную мельницу, а далее передо мною пышные виноградники,

растянувшиеся на целую версту. Вхожу в огромный, густо разросшийся сад с правильно распланированными и чисто выметенными дорожками. Передо мной маленький беленький домик с крылечком, а нескольких шагах какая-то аллея, сверху донизу унизанная виноградными листьями и тяжелыми кистями. Виноград, поддерживаемый деревянными перекладинами по бокам и вверху, образует действительно совсем фантастическую аллею, полную прохлады. Над моей шляпой то и дело шуршат тяжелые кисти созревшего винограда, так и просящего, чтобы вы его сорвали и насладились им. С аллеи поворачиваю в сторону и встречаю нескольких женщин, стоящих на лесенках; женщины вооружены и срезают спелые виноградные кисти. Они приветливо кланяются мне, точно знакомому человеку.

Я выражаю желание купить виноград. Тогда одна из женщин сходит с лесенки, подходит ко мне, осведомляется, какой именно виноград мне нужен и, объясняя разные сорта его, незаметно ведет из конца в конец по пышному саду, мимо стен виноградников. Я наудачу спросил самый мудреный сорт - сладкий мускатный виноград, которого вы не найдете на всей Волге, даже в Астрахани, этом главном пункте виноградного хозяйства.

– Есть мускат, есть, – говорит женщина по-немецки и ведет меня мимо хорошенькой уютно беседки, прячущейся в зелени, мимо аккуратно и заботливо сделанных грядок, мимо покрытых плодами яблонь, к особому отделу сада с лозами мускатного винограда и передает мне целую кисть чудесного, сочного, вполне созревшего винограда, сорванного у самой земли. Виноград оказывается самым лучшим мускатом, сладким и ароматным.

– Сколько вам следует за виноград? – спрашиваю я, получая большую корзину, фунта в четыре.

– 28 копеек, – отвечает женщина.

«О, благословенный уголок», – думается мне, когда я еще раз прохожу мимо фантастической аллеи, мимо нарядно убранных грядок, мимо

хорошенькой беседки. Вот я вышел за калитку и не могу удержаться, чтобы еще раз не обернуться назад.

Я постепенно приближался к зеленеющим волжским высотам, которые облегают полукругом маленькую Сарепту. На самой вершине гор отчетливо виднелись движущие черные точки, по мере моего пребывания к ним принимали все более и более определенные формы. Это были стада, выгнанные в поле с восходом солнца. Скоро до меня стало явственно доноситься отдаленное мычание коров, бляение овец, крики пастуха. Подъем в гору был довольно крутой; ногами приходилось усиленно работать, а солнечные лучи становились жарче и жарче. Бриллианты росы давно уже успели исчезнуть, исчез и голубоватый дымчатый сумрак, окутывавший горы рано утром...

Вот еще несколько шагов, и я на вершине горы.... Близость ее придает мне новые силы, и спустя несколько минут я лежу высоко-высоко под единственным на всем пространстве раскинутым деревом. Что за очаровательный вид, что за тишина! На небе ни облачка.... Синяя глубина его, чистая как душа младенца, прозрачная и задумчивая, распростерлась от края до края одним чудесным пологом. Неподвижный, сильно нагретый воздух, словно замер; ни одна травка не пошевелинется, ни один листочек на дереве. Вот возле меня прожужжал какой-то жук, и кружась немного в воздухе. Опустился на землю, расправил крылышки и снова упорхнул... Вот пробирается между стебельками травы у самых моих рук крошечный муравей, таща какую-то былинку, втрое большую его, изнемогая под ее тяжестью... Вот пронеслась в воздухе пчела... Глухо раздается ее жужжание в этой поэтической тишине.... Где-то на дереве перепорхнула с ветки на ветку птица, и вновь все стихло, вновь все замерло.

Налево вы видите то блестящую на солнце, то синеющую и утопающую в голубоватом сумраке знойного южного дня величественную полосу Волги, местами перерезанную лесистыми островками. Далеко-далеко на

горизонте виднеется Царицын. Через степь, причудливо извиваясь, пробегает к Волге маленькая речка Сарпа.

Долго я не мог оторваться от раскрывшейся предо мной картины. Но нужно было отправляться в обратный путь. Идти под гору было легко, и минуя крошечные холмики с круглыми отверстиями, проделанными сусликами и кротами, чрезвычайно многочисленными в здешних степях, я незаметно приблизился к какой-то изгороди... За изгородью виднелись ряды каменных плит с немецкими надписями, две-три свежих могилки под сенью высоких тополей. Чистенькое, уютное, крошечное кладбище. У каждого холмика. У каждой могилки видны следы любящей заботливой руки.

На углу одной из улиц сидят несколько торговков с виноградом и фруктами. Поодаль стоит несколько возов с тем же. За одну копейку вы купите хороший арбуз, за ту же цену получите дыню, за пять копеек фунт винограда...

Я возвратился домой в одиннадцать часов. Все были заняты и поглощены делом. Даже маленькая голубоглазая девочка, любимица семьи, была занята каким-то рукоделием и очень серьезно вскинула на меня свои хорошенькие глазки при моем появлении. Недоставало только четырнадцатилетней красавицы, главной распорядительницы и управительницы.

– Где Берта? – полюбопытствовал я у старушки. – Она в школе с восьми часов утра, – отвечала старушка. – В двенадцать часов она явится домой, пообедает, а затем опять уйдет в школу до четырех часов.

Когда на церковной колокольне медленно и отчетливо бьет двенадцать ударов, все жители Сарепты садятся за сто и обедают. И так каждый день: ни минутой позже, ни минутой раньше. Мне пришлось последовать этому порядку, и ровно в двенадцать часов мой обед был уже на столе. Имеющий привычку в рюмке водки, выпиваемой перед обедом, в Сарепте почувствует себя неловко. Местные строгие нравы осуждают это как слабую степень пьянства. Пьяных в Сарепте вы никогда не увидите.

Спустя несколько времени после обеда вновь началась работа: зашумела кузница и застучали молотки...

Посвяти еще несколько часов прогулке в окрестностях Сарепты, я побывал на берегу Волги (вернее: воложка, так как главный рукав Волги проходят дальше), поблуждал в густой и тенистой береговой рощице и у песчаных береговых обрывов... С островка, густо поросшего лесом и лежащего посредине Волги, доносились выстрелы охотников, то приближавшиеся, то раздававшиеся откуда-то издалека.

Охота в окрестностях Сарепты имеет некоторую связь с особым видом мелкого, но оригинального промысла, доставляющего заработок некоторым жителям. Дело в том, что колонисты являются подчас искусными препараторами. Мне пришлось встретить в колонии старика-охотника, изготавливающего чучела птиц разных видов и настолько усовершенствованного в этом деле, что его произведения успешно идут за границу. И это не единичный пример. Уже на самой паровой пристани Сарепты вы увидите целую витрину с коллекцией птиц: от самых больших до мельчайших пород - коллекцию, постоянно выставленную к прибытию каждого парохода и как бы наглядно свидетельствующую о том, до какой степени разносторонняя в своих деталях деятельность немецких колонистов – этих знаменитых производителей горчицы, сарептского бальзама, ткачей сарпинки, мыловаров, пекарей, кузнецов, садоводов и проч.

Я никогда не забуду того впечатления, которое, которое произвело на меня посещение лютеранской церкви в Сарепте. Церковь небольшая, но очень удобная и просторная, с местами, для молящихся, внизу и на хорах. Внизу размещаются, главным образом, воспитанницы и воспитанники двух местных немецких школ: по одной стороне девочки, по другую сторону садятся мальчики. Все тихо, бесшумно, в полном порядке. На хорах размещается большинство колонистов: с одной стороны – женщины, с другой – мужчины. Пастор, видя всех собравшихся, начинает богослужение. В церкви свободно молятся: ни тесноты, ни духоты. В отворенные наверху

окна смотрит тихая, теплая южная ночь. Изредка пробежит живительная струйка ветерка и донесется шелест трепещущих тополей. Медленными, тяжелыми раскатами несется красивое, то мощное, то тихое и замирающее гудение органа... Все смотрят в молитвенники, набожно поют; в общем стройном хоре выдаются молодые свежие голоса детей...

Такова жизнь немецких колонистов. Уединенная, тихая, замкнутая и обособленная.... Таковы эти «....» гернгутского союза. Прав был мой собеседник на пароходе, назвавший их «особенные людьми». Это действительно, совсем особенные люди, не похожие на других немцев. И их главная особенность в том, что это, прежде всего истинные христиане, а затем уже немцы. И дай Бог, чтобы в этом отношении они долго оставались бы такими уединенными, изолированными от всего остального мира братьями, какими были до сих пор.

Я уезжал из колонии... Был будничным, т.е. трудовой день. Добрый старик, мой хозяин, несмотря на заботы по кузне, пришел ко мне в комнату навестить меня. Пришел и брат его, седой и угрюмый, живший наверху, в мезонинчике под крышей. Скоро прибежали и девочки.

Девочки мило суетились. Бегая из комнаты в комнату, собирая мои вещи и спрашивая, не забывал ли я чего-нибудь.

Скоро подъехала к крылу знакомая мне линейка со знакомым же старичком на козлах. Вся семья высыпала на крыльцо провожать меня. Проводы были самые теплые, искренние, задушевные.

– Прощайте, добрые люди, прощайте. Благодарю вас за все! – крикнул я им, когда линейка отъезжала от дома.

Мне вслед старики махали шляпами, дети посылали свой привет ручками и платками. Мы выехали к окраине колонии, а затем свернули на дорогу, ведущую по бесконечной выжженной солнцем степи. Долго-долго я любовался привлекательным видом уютной, хорошенькой Сарепты, пока она не скрылась из моих глаз...